

ОТШЕЛЬНИК

Марк Лэйн

Марк Лэйн
Отшельник

«Автор»

2026

Лэйн М.

Отшельник / М. Лэйн — «Автор», 2026

Психологическая повесть о выборе, памяти и надежде. Несколько лет назад главный герой добровольно остался жить на крошечном острове в Тихом океане. Здесь нет городов, дорог и случайных людей — только океан, старый пес Джим и воспоминания о женщине, вместе с которой он когда-то искал место, где можно быть счастливым. Но можно ли по-настоящему спрятаться от прошлого? Всегда ли одиночество означает свободу? И способен ли человек начать жизнь заново, если самое важное навсегда осталось позади? «Отшельник» — повесть о любви, памяти, внутренней тишине и поиске себя.

© Лэйн М., 2026

© Автор, 2026

Марк Лэйн

Отшельник

Марк Лэйн
Отшельник

От автора

Иногда человек уходит от людей не потому, что ненавидит их.

Иногда он просто устаёт от шума, ожиданий и чужих представлений о том, каким должен быть.

Герой этой повести сделал выбор, который большинству покажется странным. Он отказался от привычной жизни и остался наедине с собой.

Но можно ли по-настоящему спрятаться от мира? И всегда ли одиночество означает свободу?

Об этом — «Отшельник».

«Отшельник» — одна из моих первых больших работ.

За годы многое изменилось: изменился я сам, изменились мои взгляды на литературу и на жизнь. Сегодня некоторые страницы этой повести я написал бы иначе.

Но именно с неё началось моё стремление рассказывать большие истории, создавать собственные миры и идти за героями до конца их пути.

Поэтому эта книга остаётся для меня особенно дорогой.

«Все несчастья человека происходят оттого, что он не умеет спокойно сидеть один в своей комнате».

(Блез Паскаль)

Глава первая

Я лежал на песке и смотрел в небо. На этом острове звёзды и планеты огромные, как на картинах Ван Гога. Здесь нет людей, нет диких зверей — нет никого. Только я и моя собака, большой старый лохматый Джим.

На этом кусочке суши прошло самое счастливое время моей жизни. Оно продолжалось совсем недолго. Когда всё закончилось, я остался — так и не смог уехать отсюда. Остров, который можно обойти за час, если не останавливаться, стал моим домом. Его не найти на географической карте — он затерялся среди таких же крошечных островков в Тихом океане, к северу от Гуама.

Когда-то, ещё на большой земле, мы с Эви верили, что есть место, куда можно убежать от всех — туда, где нас ждёт счастье. Долго искали его. Бросили всё и приехали.

Потом «мы» закончились. Остался только я и мой верный Джим.

Раз в неделю сюда приплывает лодка — обходит десятка два островков архипелага и привозит продукты. Их заказывают человек сорок таких же одиноких романтиков, как и я. Иногда вместе с продуктами доставляют почту — если кто-нибудь ещё помнит о нас и пишет.

Мне не пишет уже никто.

Что я здесь делаю и почему не уеду назад, на большую землю — к цивилизации, мягким диванам, толпам людей, ломящимся от продуктов магазинам, современным технологиям и всеобщему безразличию?

Нет уж, спасибо. Я уже сделал свой выбор — не хочу возвращаться.

Шум океана — то грозный и буйный, то приглушённый и монотонный — но всегда непрерывный, не смолкающий ни на минуту — необходим мне как воздух, как вода. Кажется, что океан не шумит, а дышит — тяжело и ровно, как живое существо. Когда океан тих, а волны мягко набегают на берег, он шепчет. В этом шёпоте мне слышится её имя.

По утрам, проснувшись, кричат птицы — резко, почти зло. Потом привыкаешь и перестаёшь их слышать.

Морской ветер вдыхаешь полной грудью, как лекарство. Горько-солёная вода омывает и будто очищает тело и мысли.

Всё это есть только здесь.

Может быть, я — отшельник, нашёл свою укромную пещеру подальше от людей, творю поклоны и молюсь каждый божий день?

Нет. Когда-то на материке жил, как все: закончил университет, изучал медицину, работал хирургом, оперировал больных.

Иногда кажется, что руки помнят это лучше, чем я.

Теперь, если заболевает кто-то из живущих поблизости, зовут меня. Это я так говорю «поблизости» — путь от одного острова до другого занимает иногда несколько часов на моторной лодке.

У меня есть рация на солнечных батареях — могу связаться с центром, если больного нужно эвакуировать или запросить лекарства. Но такие случаи редки. Люди здесь закалённые: целый день на воздухе, спрятаться негде, да и микробов в море почти нет.

Чем я занимаюсь весь день? Это зависит от погоды. Когда океан спокойный, выхожу в море на лодке. Рыбы никогда не бывает много. Хранить её долго не получается: ни холодильника, ни электричества здесь нет. Приходится быстрее солить или коптить. В прочном бетонном доме, где я укрываюсь от проливных дождей, есть подвал — самое холодное место. Там рыба может сохраняться несколько недель, пока не установится погода.

Когда мы с Эви приехали, здесь жил старик-отшельник. Это был его дом, его остров. Он научил нас выживать вдали от цивилизации.

Я пытался узнать, кто этот человек, как попал сюда, спрашивал у него, но он только пожимал плечами и мотал головой.

В первый раз мне не удалось поймать ни одной рыбы — простоял в воде почти час. Он равнодушно смотрел, потом подошёл, взял мою руку и показал, как держать сеть. Через минуту в ней уже билась рыба.

Когда старик умер, я похоронил его на берегу. Он так и не вернулся к людям.

Наверное, и я не вернусь. Когда-нибудь буду лежать рядом с ним — там, где сейчас большой, потемневший от времени камень, с выбитыми инициалами.

Глава вторая

После смерти матери отец совершенно опустился. Он бросил университет, которому посвятил всю жизнь, заперся дома и выходил лишь затем, чтобы купить ящик виски и какие-то продукты. В квартире поселился тяжёлый запах спирта и чего-то затхлого.

Обеспокоенные друзья и знакомые делали всё возможное: звали в гости, приглашали на лекции, пытались познакомить с женщинами. Но он только просил оставить его в покое, бросал трубку и медленно спивался.

Так продолжалось почти год. Однажды вечером раздался звонок:

— Сынок, приезжай сегодня. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я примчался, беспокоясь, в каком состоянии найду его.

Он был трезв, говорил спокойно и ясно. Мы разговаривали весь вечер, не помню, когда ещё так долго общались.

— Я уже давно не пью, — признался он опустив голову. — Виски... не возвращает сознания, а только усиливает душевную боль, превращая человека в безвольного алкоголика. Жаль, не понял этого раньше.

Отец помолчал. Я слушал, не зная, к чему он клонит.

— Сынок, утром я уезжаю. Пойми, очень трудно жить одному в этом доме. Хочу развеяться, увидеть новые места. Да и врачи советуют сменить обстановку.

Он показал подробный план: куда поедет, какие города посетит, где остановится. Продумал всё до мелочей.

Я остался ночевать, чтобы проводить его.

То хмурое утро навсегда осталось в памяти. Мелкий, противный дождь тихо стучал по крыше, по стеклу бежали тонкие струйки.

Наскоро позавтракали, спустили вещи, уложили в багажник. Отец молча шёл рядом. Простились коротко, по-мужски.

Помню его неуверенную походку, сгорбленную спину, рюкзак за плечами. Он медленно подошёл к машине, потом обернулся, словно прощался с домом, помахал рукой. Отец изменился, но меня не покидало чувство, что вижу его в последний раз.

Он позвонил через два дня. Связь трещала и обрывалась. Говорил, как ему нравится дорога: долгие часы за рулём, музыка его молодости, которую он слушает, города, которые проезжает, люди, которых встречает в пути.

Я радовался за него. Казалось, всё плохое осталось позади, и он возвращается к жизни.

Потом отец звонил ещё. Мы долго говорили обо мне, он расспрашивал о планах на будущее.

— Ну и когда ты собираешься жениться? Я очень хочу стать дедом, увидеть твоих детей... Буду воспитывать внуков. Эх, жаль, мать не дождалась.

— Ты же знаешь, отец... сейчас тяжёлое время. Практика в самом разгаре. Целые дни в больнице, вечерами готовлюсь к операциям.

— Ничего, справишься. Ты всегда справлялся, — отвечал отец.

После таких разговоров на душе становилось гораздо теплее.

Однажды утром меня срочно позвали к телефону. Я сразу понял: что-то случилось. Звонил врач скорой. Его вызвали в гостиницу к одному из постояльцев. Когда бригада приехала, было уже поздно — обширный инфаркт. Отец умер один в гостиничном номере.

На похороны пришло много людей — коллеги, знакомые, бывшие студенты. Многие приехали из других городов. Ближайшие дороги к кладбищу перекрыли.

Об отце писали в местных газетах, говорили как о педагоге и учёном. Университет учредил премию его имени.

Его похоронили рядом с матерью. Многочисленные венки и свежие цветы засыпали могилу. Земли почти не было видно.

Когда я снова вошёл в дом, увидел его вещи, любимое кресло, книги — не смог сдержать слёз.

Потом нашёл дневники. Они стали для меня откровением. Он писал о вещах, о которых никогда не говорил вслух. Я забрал их с собой, когда навсегда покинул материк.

Оказалось, я совсем не знал своего отца.

Всё откладывал разговоры с ним, думал — успею.

Теперь что-то исправить было уже поздно.

Наверное, именно тогда в моей жизни появилась она.

Эвелин — Эви, бывшая студентка отца. Место и время для знакомства были совсем неподходящими, но всё сложилось именно так.

Она позвонила через несколько дней. Спросила, нужна ли помощь. Я не знал, чем она может помочь, но всё же согласился встретиться.

Почему стал видеться с ней? Сам не знаю. Может быть, помнил последний разговор с отцом — его желание увидеть мою семью.

Эви мне нравилась, но встречались мы редко — из-за моей работы.

Однажды сидели в кафе. Она вдруг наклонилась ко мне через стол, так резко, что чашка звякнула о блюде.

— Я уже всё решила.

— Что именно?

— Уеду отсюда. Найду остров. Настоящий, без людей.

Я усмехнулся, размешал сахар в чашке:

— И где ты его найдёшь?

— Вот, смотри, — ответила Эви и достала большую папку.

Она показывала переписку, схемы, названия островов, перескакивая с одного на другое. Уже ездила смотреть некоторые — но ничего не подошло.

— Здесь одни скалы — ни одного дерева.

А здесь уже живут люди.

А эти... — она усмехнулась, — эти продают. За такие деньги можно купить полгорода.

Я покачал головой:

— Всё это вздор. Пустая трата времени. Ты не найдёшь ни остров, ни даже островок.

Она посмотрела на меня — спокойно, почти равнодушно:

— Я и не зову тебя.

На секунду отвела взгляд, потом снова посмотрела прямо:

— Это моя голубая мечта. Если захочешь — поедем вместе.

Я тогда ничего не ответил. Но уже понимал, что не отпущу её одну.

Она говорила горячо, наклоняясь ко мне, словно боялась, что я не дослушаю. В её глазах было что-то упрямое, почти детское. Казалось, она бросает вызов всему — людям, их привычной жизни, страху что-то изменить.

— Пойми, люди не живут — они существуют. Окружили себя игрушками — телевизорами, компьютерами, телефонами — и уже не могут без этого. Набивают желудки продуктами из магазинов, наполовину состоящими из химии. А случись что — не смогут даже выжить. Ни вырастить овощ, ни поймать рыбу, ни добыть еду. Всё, что умеют, — пойти в магазин и купить полную тележку этой химии.

Ей нельзя было отказать в логике.

И всё же я не верил, что у неё что-то получится. Это казалось фантазией — несбыточной мечтой.

Глава третья

В последнее время замечаю: мозг играет со мной в какие-то странные игры. Иногда слышу чьи-то голоса. Всё чаще возвращается прошлое — люди, с которыми был знаком, пациенты, родители, девушка, которую так и не смог забыть...

Раньше меня занимало совсем другое: поймаю ли достаточно рыбы, сколько удастся собрать плодов с хлебных деревьев, бананов и кокосовых пальм, привезут ли виски на неделю, хватит ли соли.

Теперь это почти не имеет значения. Если улов будет плохим, запасов хватит, чтобы продержаться до следующего удачного дня. Много делаю почти автоматически, поэтому мысли всё чаще уносят меня куда-то далеко.

Стал разговаривать вслух. Раньше — с собой или с Джимом, чтобы не забыть человеческую речь, слышать свой голос. Теперь — со стариком-отшельником, с отцом, с Эви.

Всё началось с коротких фраз — как продолжение начатых давно разговоров. Спрашивал у отца, правильно ли поступил, у старика — как переждать шторм, у Эви — помнит ли она меня. Порой казалось, что ответы приходят заранее. Но я не понимал их.

Ловил себя на том, что отвечаю вслух — хотя вопросов никто не задавал. Понимал: всё это только в голове. Но выходило слишком реально. Бывало, не мог вспомнить, сказал ли что-то — или только подумал.

Начинался сезон дождей — с июля по декабрь. В это время выпадает столько воды, что кажется: в небе открылась огромная дыра. Оттуда хлещет непрерывный поток, иногда приходят циклоны, сметающие всё на своём пути. Дождь льёт сутками, без перерыва.

Он не прекращается ни днём, ни ночью — только меняет силу.

Вместе с ним размываются границы — мысли, воспоминания. Просыпаюсь и не сразу понимаю, где нахожусь — здесь или там, на материке.

Жара — удушающая, неподвижная. Температура редко поднимается выше тридцати, но влажность становится невыносимой. Кожа всё время липкая, как после жаркой бани. Пить хочется постоянно.

В такие дни отсиживаюсь в бетонном убежище. Этот дом достался мне от старика. Как он его соорудил или откуда взял — загадка. На острове нет таких строительных материалов. Здесь не страшны тайфуны: крыша держится, не течёт.

Когда невозможно выйти, читаю дневники отца. От сырости страницы разбухли, некоторые уже не разобрать. Приходится додумывать, что там написано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.